

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ТАКОЙ ПРОСТОР, ЧТО ДУШУ ЛОМИТ...

ГРАЧИ

Отгорели снега снегирями.
На поля опустились грачи.
Солнце жаркое там, за морями,
но не греют чужие лучи.

Глянцевитые, добрые птицы!
Вы и сами, как пашня, черны.
Вот и мне суждено возвратиться
в дом родимый в начале весны.

Хватит! Я намотался по свету.
Хорошо, что забыть не успел
это поле и кузницу эту.
Батьке горн раздувать я умел!

Вместе с вами, крикливые стаи,
снова чувствую — жизнь хороша!

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного колбината. Был редактором набережночелнинской городской газеты "Время". Окончил заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького. В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор восьми книг стихов, изданных в Москве, Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина за 2006 год. Живёт в Набережных Челнах.

Вот земля от морозов оттает,
отогреется с нею душа.

Снова в самое лучшее верю.
Разбудите, грачи, поутру!
Отзывается сердце апрелю,
открывается сердце добру.

ДОМ

Мне отечество — не чужбина.
Дом построю и буду жить.
Мне жена подарила сына.
Есть наследник — о чём тужить?

Есть наследник — и, слава Богу,
нет прорехи в моём роду.
Я подкову прибью к порогу,
не пушу на порог беду.

А гостей приглашу я к полдню.
Будет солнцем пронизан дом.
Я бокалы им всем наполню
золотым, как сентябрь, вином.

Осень — ягоды поздней сладость.
Вон как резво бежит ко мне
сын мой — главная в жизни радость.
Тост, ребята! Цветы — жене!

Не боюсь ни грозы, ни грома,
Что б там ни было впереди.
Я на родине. Значит, дома.
Дверь не заперта. Друг, входи!

* * *

Отгорел наш прощальный костёр.
Вот и угли покрылись золою.
Но созвездья Господь распостёр
над притихшей, уставшей землёю.

Нам с тобой в эту ночь не уснуть.
Неминуема наша разлука.
Но горит в небесах Млечный Путь —
значит, мы не забудем друг друга.

Улыбнёмся давай вопреки
неминуемой нашей разлуке.
Вечен свет этой звёздной реки.
Мы не можем забыть друг о друге.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

В избе родительской поминки,
а за окном цветёт сирень.
Любой нескошенной травинке
охота жить в июньский день.

А в поминальной круговерти
единства нету меж людьми.
старухи думают о смерти,
А молодые о любви.

Но всех утрата туго свяжет
одним узлом. Душа, терпи!
И понимает что-то даже
пёс, присмиривший на цепи.

* * *

Памяти Вадима Кожина

Кто нам помог во мгле непроходимой
с пути не сбиться, к бесам не свернуть?
Конечно, он, Вадим необходимый,
беспутных всех наставивший на путь.

Судьба его не гаснет перед нами,
как с двух сторон зажжённая свеча.
И на ветру трепещет наше знамя,
наш триколор на фоне кумача...

С ним Соколов, Рубцов, и Передреев,
и Кузнецов. И родина одна.
Стихами, братья, души отогреем —
да будут святы эти имена!

Вновь голоса слышны — Вадим в ударе.
И для друзей открыт их узкий круг:
“Настрой же струны на своей гитаре...
Ещё не всё потеряно, мой друг”.

Ещё чисты закаты и рассветы,
и, кроме правды, нету ничего.
Объединимся, русские поэты,
вокруг высокой памяти его!

* * *

Проснуться в поле, на соломе,
забыть про шум и шорох шин...
“Такой простор, что душу ломит”, —
сказал о родине Шукшин.

Он на Катунь глядел с Пикета,
а я на Каму посмотрю
от Тихих гор. За радость эту
я небеса благодарю.

Я растворяюсь в окоёме
и пью земную благодать.
“Такой простор, что душу ломит” —
и больше нечего сказать.